

ракъ!.. Хозяйки-то, говорить, знаемъ мы, голодомъ вѣдь васъ морять... Хотъ калачами отѣдайся!..» Вѣдь онъ вонъ какъ, анаема, кочевряжится, ровно у него тысячи по полу валяются... «Мы-ста! Да намъ-ста гривенникъ не расчесть», — своя, слышь, порода!.. Своя порода, да вѣдь ты, пьяная рожа, вѣдь ты цѣну сбиваешь!.. Вѣдь съ тобой, съ подлымъ, работать возможности нѣтъ!..

Конечно, это было нехорошо, что, имѣя полную возможность быть человѣкомъ почтеннымъ и достаточнымъ, Левъ предпочиталъ роль какого-то городского страшилища и вмѣстѣ съ послѣднею кабацкою голью въ питейномъ ухлопывалъ и доходъ съ своего хорошенькаго домика, и все, что онъ зарабатывалъ своимъ ремесломъ. Да, и я находилъ, что это нехорошо... Но я никакъ не понималъ того ѣдкаго озлобленія, какое слышалось въ этихъ порицаніяхъ и осужденіяхъ, тѣмъ болѣе, что та же голь однако пила съ осуждаемымъ на его счетъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и даже подбадривала на еще большее пьянство!.. Пила и ругалась, и не за глаза только, но и въ глаза. Въ отвѣтъ на эту брань Левъ только неподражаемо иронически смотрѣлъ на ругателя и ухмылялся. А ругатель, еще больше поджигаемый этой усмѣшкой, чуть не въ драку лѣзъ, чтобы урезонить Левку на счетъ правильной жизни, а не такой вотъ собачьей, эзоповской и пр.

Хладнокровно, презрительно насмѣшливо слушалъ Левъ этотъ лай маленькихъ, зазвонистыхъ дворняжекъ, терпѣливо отстранялъ руки совѣтника, ежели онъ уже слишкомъ близко подсовывались къ его фізіономіи. И ужъ, наконецъ, когда ругатель исчерпывалъ весь лексиконъ красныхъ словечекъ, всѣ аргументы отъ разума, и отъ преданія, и утомившись «многоглаголаніемъ», «хлопалъ» стаканнице водки, Левъ лѣниво цѣдилъ сквозь зубы:

— Промочи, промочи горло-то, дурия твоя голова!..

Я познакомился съ нимъ въ такое время, когда у насъ у обоихъ большое горе лежало на сердцѣ. Я былъ маленькій мальчикъ, только-что изъ родной семьи, гдѣ не слыхалъ ни брани, ни грубостей, изъ спокойнаго довольства брошенный въ омутъ самаго бѣднаго городского мѣщанства и бурсацкой дикости. И мое маленькое сердце возмущалось этими дикостями, этою гадостью жизни, какую вынуждала бѣдность, и къ какой я только теперь сталъ присматриваться по-неволѣ, такъ какъ ужъ очень близко, даже въ самой центрѣ этой бѣдноты попалъ я, и постоянно видѣлъ ее не съ казоваго конца; бѣдность привольно развертывалась